Это было, было, было...

Воспоминания о прошлом

Алексей Кожевников

В январе 1997 года мы похоронили 86-летнего отца — Кожевникова Николая Ивановича. За несколько лет до своей кончины он начал подробно записывать воспоминания о прожитой им и его близкими трудной жизни, надеясь, что когда-нибудь они будут опубликованы. Его рукопись заняла более десятка "томов" — столистовых тетрадей, заполненных мелким убористым текстом. Шесть первых тетрадей отец передал мне давно, часть остальных — я обнаружил среди многочисленных черновиков и других бумаг уже после его смерти.

Отец понимал, что опубликовать воспоминания в таком большом объеме невозможно и потому поспешил самое важное из биографии изложить в отдельной, двенадцатилистовой тетради, текст из которой был отпечатан в газете "Уральская новь" № 3 за 1997 год.

В детстве отец окончил 3 класса сельской церковно-приходской школы. Учеба давалась ему легко, но продолжать ее, несмотря на уговоры ребенка, учительницы, которая согласна была учить его за свой счет, запретил дед Ефим Алексеевич: деревенских детей приучали к работе по хозяйству сызмальства, как только начинали ходить и держаться в седле.

"Воспоминания о прошлом" — не дневник со строгой датировкой событий, но хронологическая цепочка выдерживалась отцом четко. И хотя рецензенты нашли бы в тетрадях немало грамматических и стилистических ошибок, уверяю вас, читаются "Воспоминания..." с большим интересом и вызывают искренние эмоции.

Вниманию читателей предлагается, правда, немного в "олитературенном" виде, несколько страниц из отцовской рукописи — про время, когда "была большая засуха — неуродился хлеб, не было травы, земля была совершенно черная".

...“Пришла осень 1921 года. Наступили морозы... На 7 человек — 20 пудов муки. Если тянуть ее до нового хлеба, то надо употреблять в месяц по 25,5 кг или 850 г в день. Поэтому в рацион при выпечке “хлеба” включали горькую черную лебеду или березовые сережки. Картошку и чистую муку в суп употребляли только в престольные и годовые праздники. Без варева, конечно, было трудно. Тогда Мария Ивановна (мать отца) варила ведерный чугун заторюхи — на ведро воды 400 г муки и 200 г соли. Иногда в печи сушили конские кости, толкли в ступе и применяли в “сдобном” хлебе с сережками и лебедой. Никогда не наедались. Чай пили с солью.

Вместо хлеба иногда жевали серу, которую собирали с сосны или лиственницы, а кто не мог в бору ее накопать, те варили серу из бересты. Снимали ее с березок, клали в ходой чугун. Этот чугун ставили внутрь большого чугуна с водой. Оба чугуна помещали в русскую печь. От жары береста плавилась и сера вытекала в чугунок с водой. В привычку вошло: если серку жуют, значит зубки чистят. Народ по деревне ходил и, как корова на лежанке, жвачку жевал. Что-нибудь делает — жует, разговаривает — жует. Иной забудется и со жвачкой спать ляжет. Люди думали, что этим голод утоляют.

Но голод развивался все больше и сильнее. Люди помирали посреди улицы. Первое время их хоронили в отдельные могилы. На похоронах присутствовали с маломальскими почестями родственники. А ближе к весне стали хоронить в общую могилу. Из сельсовета назначали двух человек с лошадкой, которые с большим трудом, так как сами были без сил, клали на сани замерзший труп и увозили на кладбище, где без гроба, без всяких нарядов, опускали в общую могилу, которая, когда наполнится, зарывалась, потому что весь народ обессилел и рыть могилы, особенно зимой, было некому. А механизмов в то время совершенно не было.

Некоторые начали умудряться есть людей. К примеру, Муньхины, жившие на Церковной улице. Дети Забалуевой, в возрасте 10 и 12 лет, играя с детьми Муньхиных, стали замечать, что у Муньхиных стала убавляться семья. Сначала не стало двух самых маленьких, а потом не стало и двух взрослых — 10 и 13 лет, которые ранее слышали такой разговор своих родителей. Дети, лежа на печи, притворились спящими. Не подозревая этого, мать сказала отцу: “Теперь этим мясом подкормим остальных двоих, а через полмесяца, когда они справятся, зарежем на мясо и их”.

До этого разговора старший, тринадцатилетний сын спросил у родителей: “А где наши малыши?” Родители спокойно ответили: “Мы их к родственникам, в другую деревню отправили. Им там лучше, хлеба досыта едят”, но мальчик им не поверил. При встрече с детьми Забалуевы, — его двоюродными братьями, — он испуганно прошептал: “Родители нас хотят съесть. Только вы об этом никому не говорите, а то нам будет плохо, если узнают. А так мы, может быть, от них куда-нибудь уйдем”. И правда, вскоре их в селе не стало: может в чугун попали, а может замерзли где. Мне это неизвестно.

Через некоторое время, утром, Забалуиха пошла к сестре Муньхиной, по деревенскому обычаю, в голове вшей поискать — голова зачесалась. Детям пообещала: “Через час вернусь”. Но прошло уже пять часов, а ее нет. Они — к тете. Остановились у окна, спрашивают: “Мама у вас была?”. “Нет”. Дети встревожились. Спустя какое-то время возвращаются вновь, но дорогой договорились, что сестренка подойдет к окну, чтобы отвлечь тетю, а брат тихонько войдет в избу — вдруг материну одежду увидит. Так и сделали.

Пока девочка разговаривала с Муньхиной, мальчик прошел в комнату, потом в кухню. Там топилась печь, а в ней стоял ведерный чугун. В это время в нем закипела вода и из чугуна, пальцам вверх, поднялась рука. Мальчик узнал ее сразу. Он дико закричал. Тетка кинулась было его ловить, но в этот момент под окном тоже раздался вопль. Муньхина растерялась. А дети уже бежали к сельсовету, плача и крича: “Маму зарезали и съели!” — “Кто?” — “Муньхины!”.

Вообщем, боялись. Вот и оставили их на черный день в холодном подполье.”

Муньхиных водили по всем улицам со связанными назад руками. К их ртам было привязано человеческое мясо. Посмотреть на чудовищ, зверей вышли из изб и стар и мал. Со всех сторон неслись плевки и проклятия:

— Казнить их, подлецов!

— Растерзать людоедов!

— Будьте вы прокляты!...

Потом их куда-то увезли.

Шел январь 1922 года. Стояла тихая, но пасмурная погода. Ночью слегка попадал пышный снежок.

На берегу озера стояла небольшая изба, чисто побеленная с фасада, небольшим палисадником огорожена. Была она воротами и двумя окнами в проулок, а одним, маленьким, окошком во двор. Дворик был тоже небольшим, так как хозяева скотины не держали, но въехать в него воз мог. Он был хорошо огорожен и потому извне не был виден.

Жили в этом домике Мурзины — мать, сын 17-ти лет и двухлетняя дочь.

Богатства у них никакого не было, разве что около 20 пудов муки, ссыпанной в ларь, стоявший в сенях.

Из соседней деревни в гости к ним часто приезжал татарин Султан с русской женой Исаевной. Заметили они муку и задумали недоброе дело. Приезжают ночью, стучат. Сын открыл ворота. Гости въехали во двор и вроде решили лошадь распрячь. Мурзин направился к избе, но не успел переступить порог сеней, как получил по голове обухом топора и пал намертво.

Мать слезла с печьки и пошла в сенцы за углем для самовара, чтобы напоить гостей чаем — с дороги ведь, намерзлись. Не успела сделать в сенях и двух шагов, как получила удар по горлу лезвием топора и упала, истекая кровью. Девочка тоже спала на печи. Увидев отсутствие матери, она спросила вошедшую в избу Исаевну: “А где мама?” Та растерялась — лучше бы девочка не просыпалась! “Мама вышла во двор, деточка”. Исаевна высмотрела в сенях к мужу за советом, быстро вернулась в комнату, схватила ребенка и задушила его. Чтобы кто-нибудь из Мурзиных не ожил, Султан с женой повесили на брус полатей три петли и затолкали в них мать и детей.

Окна были закрыты ставнями, поэтому Султан с Исаевной спокойно забрали муку и кое-что из хороших вещей и выехали за ворота. Султан закрыл их изнутри на засов и перелез через забор...

Часов в 10 следующего утра соседка, живущая напротив Мурзиных, удивилась: почему они долго спят? И ставни не открывают. Может, уехали куда — вон санный след видел? Вчера вечеровать к ним ходила, так они про отъезд ничего ей не говорили.

Не утерпела, побежала к ним. Стукнула в ворота — закрыты. Чудно! Ставень открыла, внутрь глянула — и закричала. Прибежали из сельсовета. Мертвецов из петель вынули, положили на пол. Замерили следы валенок, саней, лошади и поехали по санным следам искать убийц. След привел прямо ко двору Султана и Исаевны, которые спокойно спали. Возле с крыльцом по стати, возле с крыльцом стоял во дворе. Даже лошадь не успела как следует просохнуть.

Султана и Исаевну привезли на место убийства и жители решили судить их своим судом. Они подвешивали убийц вниз головой и били их розгами, таскали за ноги по ступенькам лестницы с первого этажа на второй и обратно. Закрывали в подвал, чтобы отдохнули и снова били. А потом привязали за ноги к саням, провезли по улице, увезли в лес, на Овечью горку, привязали к березам и уехали, в убийц и воров, как и людоедов Муньхиных, растерзали волки. Зверям — зверская расправа.

После этих двух происшествий воровства, людоедства и убийств в селе больше не было”.